

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16–18 ИЮНЯ 2011

ФИНАНСОВЫЙ МИР: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В НЕИЗВЕСТНОСТЬ?

Обеспечение глобального экономического роста

17 июня 2011 г. — 14:00–15:15, Павильон 8А, Зал Конгрессов

Санкт-Петербург

2011

В последнее время финансовый мир сталкивается со все новыми неожиданными социально-экономическими и природно-техногенными проблемами. Кризис доверия 2008 года, кризис периферии Европы 2010 года, политические проблемы на Ближнем Востоке и землетрясения в Японии — это лишь часть тех проблем, которые потрясли мир в последнее время.

Модератор:

Рубен Варданян, Председатель совета директоров, ЗАО «ИК Тройка Диалог»

Выступающие:

Доктор Йозеф Акерманн, Председатель правления, Председатель исполнительного комитета, Дойче Банк АГ

Мария Бартиромо, Телеведущая программы Closing Bell телеканала CNBC; ведущая и Главный редактор, Wall Street Journal Report

Дэвид Бондерман, Партнер-основатель, TPG

Герман Греф, Президент, Председатель Правления Сбербанка России

Роберт Келли, Председатель, Главный исполнительный директор, Bank of New York Mellon

Алексей Кудрин, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Министр финансов Российской Федерации

Дункан Найдерауер, Главный исполнительный директор, NYSE Euronext

Елена Сальгадо, Заместитель Председателя Правительства и Министр экономики и финансов Испании

Ларс Танелл, Исполнительный вице-президент и Главный исполнительный директор, Международная финансовая корпорация (IFC)

Ричард Хантер, Управляющий директор группы по корпоративным эмитентам в Лондоне, Fitch Ratings

Клаус Шваб, Основатель и Главный исполнительный директор, Всемирный экономический форум

Стефан Шварцман, Председатель, Главный исполнительный директор и сооснователь, Blackstone; Председатель совета директоров, Blackstone Group Management L.L.C.

На сцену приглашается модератор сессии, Председатель совета директоров компании «Тройка Диалог» Рубен Варданян и участники дискуссии: Управляющий директор группы Fitch Ratings по корпоративным эмитентам в Лондоне Ричард Хантер; Исполнительный вице-президент и Главный исполнительный директор Международной финансовой корпорации Ларс Танелл; Главный исполнительный директор New York Stock Exchange Euronext Дункан Найдерауер; Заместитель Председателя Правительства и Министр экономики и финансов Испании Елена Сальгадо; Заместитель Председателя Правительства и Министр финансов России Алексей Кудрин; Председатель правления, Председатель исполнительного комитета Deutsche Bank доктор Йозеф Аккерманн; Председатель, Главный исполнительный директор Bank of New York Mellon Роберт Келли; Председатель, Исполнительный директор и сооснователь Blackstone, Председатель совета директоров Blackstone Group Management Стефан Шварцман; Управляющий партнер TPG Дэвид Бондерман; телеведущая программы Closing Bell телеканала CNBC, ведущая и главный редактор Wall Street Journal Report Мария Бартиромо; основатель и Главный исполнительный директор Всемирного экономического форума Клаус Шваб.

Р. Варданян:

Добрый день, уважаемые дамы и господа. Я рад приветствовать вас на нашей сессии. Когда 25 мая мы подписывали сделку со Сбербанком о совместном сотрудничестве и покупке наших 100 процентов, я понимал, что мне предстоит сложная и трудная работа, но я никогда не думал, что Герман Греф попросит меня модерировать такую сложную сессию, где 11 таких уважаемых и достойных людей выступят на одной панельной сессии и где будут обсуждаться самые серьезные вопросы сегодняшнего дня. Тем более это сложно, когда рядом с тобой присутствуют люди, которые модерировали лучшие сессии на Мировом экономическом форуме, такие как профессор Шваб и известная телеведущая Мария Бартиромо. Но я постараюсь сделать свою работу максимально эффективно и профессионально. У нас очень сжатый формат: один час и пятнадцать минут. Расскажу о том, как будет проходить сессия. У нас, к сожалению, не так много времени, поэтому вопросы буду задавать участникам я. Я очень благодарен, что они согласились на такой формат. Мы договорились, что у нас будет два голосования с залом, — надеюсь, что аудитория активно поддержит нашу дискуссию, отвечая на те вопросы, которые мы поставим перед аудиторией. Эта передача пойдет в эфир сегодня в девять часов вечера, и я надеюсь, что мы сможем осветить в ней те ключевые вопросы, которые были подняты в ролике, продемонстрированном ранее. Перед всеми нами стоит действительно очень сложный вопрос: а готовы ли мы к той неизведанности, в которой мы живем уже несколько лет, и в которой нам предстоит жить и работать дальше. Я хотел бы задать вопрос всем участникам нашего сегодняшнего заседания о том, какими они видят следующие два года. Ждет нас мировой, глобальный финансовый кризис или нет? Вы знаете, что «мистер Doom», господин Рубини, утверждает, что в 2013 году снова будет кризис, то есть предсказывает очередной коллапс. Но насколько вы, представители бизнеса, представители разных государств,

верите в это? На этой сессии присутствуют представители и банковского сообщества, и фонда прямых инвестиций государства. Я хотел бы начать с рейтингового агентства. Представитель рейтингового агентства Ричард Хантер. Как Вы считаете, насколько это реалистично, что в следующие два года нас ждет очередной серьезный финансовый кризис? Тем более что Алан Гринспен завел уже сегодня разговор о том, что Греция неизбежно будет в дефолте.

Р. Хантер:

Рубен попросил нас быть краткими, что я и постараюсь сделать, и для начала я скажу однозначное «нет» мировому финансовому кризису. Интересно, что некоторые из докладчиков, которые уже успели выступить этим утром, призывали обратить внимание на тот факт, что коренные причины произошедшего в кризисном 2008 году исправлены не были. Однако мне кажется, что сейчас мы менее обеспокоены мировым финансовым кризисом.

Если обращаться к отдельным регионам, очевидно, что особняком стоит Китай. Мы уже заявляли публично о том, что банковские активы в этом регионе за последние шесть лет выросли в четыре раза. Мы полагаем, что существует серьезная вероятность банковского кризиса, но при этом считаем, что Китай в состоянии его пережить. Все прекрасно понимают, что, даже если рейтинг Китая будет понижен, он все равно абсолютно точно не повторит судьбу Греции. Мне кажется, если говорить о региональных кризисах, разворачивающихся сейчас, более важной проблемой для нас является еврозона.

Это обсуждение можно подвести к более широкому тезису, о котором нам всем стоит задуматься, а именно: на самом деле, в конечном итоге, все зависит от успеха или провала политических действий, текущего подхода со стороны официальных властей и того, насколько могут усугубиться

проблемы в случае, если этот курс сойдет с рельсов (в частности, мы наблюдаем ситуацию в еврозоне, мы видим хрупкость подхода Вашингтона — «вашингтонского консенсуса», если хотите, — хрупкость основных международных институтов). Если этот консенсус будет нарушен по мере того, как мы пытаемся урегулировать кризис в еврозоне, проблемы будут куда серьезней.

Определяющим фактором является то, насколько политический консенсус адекватен реальным механизмам принятия решений.

Р. Варданян:

Все-таки да или нет? Произойдет или нет?

Р. Хантер:

Произойдет или нет? Мировой кризис — нет: мы уже были свидетелями банковского кризиса в индивидуальном секторе по всей Европе; потенциала для еще одного кризиса нет. Если посмотреть на уровень отдельных рейтингов, возникает вопрос: как можно исправить ситуацию?

Р. Варданян:

Хорошо, спасибо. Ларс?

Л.Х. Танелл:

Я тоже не верю, что может произойти крупный кризис, но я думаю, нас ожидает ряд более мелких кризисов, нам придется, так сказать, прыгать с одной льдины на другую. Причина, почему я считаю, что эти мелкие кризисы не перерастут в крупный, состоит в том, что, во-первых, финансовый кризис, через который мы только что прошли, многому нас научил. Люди напуганы и приложат все усилия к тому, чтобы совместно преодолеть каждый из мелких кризисов в отдельности. Во-вторых, мы наблюдаем

значительный рост на большинстве развивающихся рынков, и это очень сильная тенденция, подкрепляющая ситуацию. Так что это мое...

Р. Варданян:

Спасибо. Дункан?

Д. Найдерауер:

Рубен, я все-таки не думаю, что есть такая вероятность в ближайшую пару лет. Думаю, мы просто должны помнить о нескольких вещах, имеющих отношение к темам сегодняшней дискуссии, а именно: о ходе развития технологий и том, как они ускоряют все процессы. Только подумайте: 50 лет назад люди говорили: «Пузырь цен на активы или финансовый кризис возникает где-то раз в 10 лет».

20 лет назад можно было утверждать, что это происходит каждые семь лет. Если же задаться этим вопросом сегодня, похоже, что ответ — каждые три–пять лет. Сомнений нет, такие пузыри и такие кризисы возникают все чаще и чаще. И причины этому должны быть для нас очевидны, не так ли? Информация распространяется все быстрее; все больше людей получают доступ к небывалому количеству информации. Это означает, что рынки реагируют быстрее, и это, как мы увидели в ходе последнего кризиса, приводит к недостатку ликвидности. Особенно негативно это сказывается на ликвидности — пусть это прозвучит нескромно — менее регулируемых, менее прозрачных рынков. То есть если информация распространяется быстрее, то и рынки реагируют быстрее. В то же время, всем понятно, что инновации всегда опережают регулирование.

И если технологии ускоряют ход инноваций, то на нас лежит ответственность за то, чтобы лучшее не стало врагом хорошего. Что касается ре-регулюирования после всех этих все чаще повторяющихся кризисов — нам, вероятно, следует действовать быстрее. Мы должны

рисковать, сознавая, что мы не все сможем исправить (как показывает история, это в принципе практически невозможно), и просто пытаться действовать настолько быстро, насколько это возможно, принимая во внимание остальные переменные.

Р. Варданян:

Хорошо. Госпожа Сальгадо?

Е. Сальгадо:

Спасибо. По правде говоря, я не вижу возможности (или хотя бы вероятности) возникновения мирового финансового кризиса в будущем. Тем не менее, должна отметить, что нам необходимо восстановить доверие инвесторов, и восстановить его делами, а не только обещаниями. Таким образом, настало время достичь результатов в обеспечении прозрачности, в регулировании, в координации, а также придать большее значение исчезнувшему слову «этика».

Р. Варданян:

Хорошо, спасибо.

Р. Варданян:

Алексей Леонидович, Ваше мнение: будет кризис или нет в ближайшие два-три года?

Р. Симонян:

Очень коротко. Во-первых, мы находимся в очень серьезной среде неопределенности, и фундаментальные показатели развития экономик являются чрезвычайно слабыми. Во-вторых, в течение ближайших двух лет должны смениться модели развития: процентные ставки должны вырасти,

дефициты бюджетов нужно существенно сократить. Плохие активы в банковской системе обозначатся более явно, в этом смысле перед нами стоят существенные вызовы. Поэтому снижение дефицита бюджета США, — главный фактор, как я считаю, — даст еще много пищи для дискуссий, поскольку не только европейские страны, такие как Греция, должны сокращать свои расходы. С этим придется столкнуться и американцам. А это серьезный политический вызов. Кроме того, мы знаем сложности еврозоны, финансовой системы, но есть и вызовы со стороны развивающихся стран. Рост в Китае может оказаться недостаточным, или существующий там «перегрев» может закончиться мягким или даже жестким выходом из него. Я бы дал 25%, что в ближайшие три года может быть существенное движение — может быть, не мировая рецессия, но существенная рецессия крупных зон в экономике мира.

Р. Варданян:

Спасибо. Сейчас мы услышали мнение организаций и госчиновника, и, прежде чем перейти к Марии и Клаусу, я хотел бы услышать мнение представителей частного сектора, банкиров и представителей фондов прямых инвестиций.

Р. Келли:

Не думаю, что он произойдет. За прошедшие два с половиной года правительства научились многому. Мир абсолютно наполнен ликвидностью. И мы должны помнить, что сегодня мы имеем дело с гораздо более здоровой банковской системой, чем два с половиной года назад. Балансовая отчетность выглядит более убедительно. Ликвидность намного выше. В Соединенных Штатах было мобилизовано значительное количество капитала. Уровни капитала сегодня на 70% выше, чем до

кризиса, и мне кажется, что в результате проведения стресс-тестов было достигнуто значительное повышение транспарентности.

Разумеется, сохраняются многочисленные риски и небольшая вероятность возникновения событий, которые могут привести к мировому кризису. Эти факторы вызывают обеспокоенность, однако на сегодняшний день такое развитие событий маловероятно.

Р. Варданян:

Спасибо. Господин Аккерманн?

Й. Аккерманн:

Должен сказать, в 2007 году, где-то в июне, я был в Нью-Йорке на похожей встрече, где все высказывались так же позитивно. Я свой урок усвоил. Теперь я настроен более скептически.

Чередa неопределенностей и кризисов, о которых говорил Ларс Танелл, по моему мнению, является серьезным вызовом. Мы наблюдаем дисбаланс на рынке недвижимости в США. Мы столкнулись с серьезными налоговыми вызовами. В ряде азиатских стран наблюдается инфляция активов. В Европе долговой кризис. Сохраняются неопределенности в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Если в восприятии инвесторов все эти факторы сложатся воедино, тогда, думаю, мы опять можем столкнуться с весьма ощутимыми трудностями.

Конечно, я согласен с остальными выступающими, что система стала более жизнеспособной. Думаю, что многое было сделано, чтобы избежать этого, но я все же отвечу: «Да, это может случиться, но мы более жизнеспособны и лучше к этому подготовлены».

Р. Варданян:

Спасибо. Господин Бондерман.

Д. Бондерман:

Думаю, что самое страшное состоит в том, что все участники этой дискуссии полагают, что кризиса не будет. По большей части это...

Р. Варданян:

Микрофон. Передайте ему микрофон, пожалуйста.

Д. Бондерман:

Простите. Я сказал, что самое страшное состоит в том, что все участники дискуссии считают, что кризиса не будет, а ведь каждому коллапсу обычно предшествует пузырь. Излишний оптимизм всегда приводит к катастрофе. И если проанализировать события, происходившие на Уолл-стрит последние три десятилетия, так было каждый раз. Так что это самое страшное.

Если посмотреть на цифры, показатели не очень хорошие, но и не ужасные; если взглянуть на ведущие экономики, очевидны определенные проблемы. В США беспокоит высокий уровень задолженности, слабое правительство и очевидное движение в неверном направлении. Еврозона также испытывает трудности, хотя, я уверен, что евро должно держаться, поскольку любой другой вариант развития событий обойдется слишком дорого.

В Северной Африке и Египте царит хаос, хотя хаос там царит всегда. В Китае наблюдается своего рода пузырь. Рынки там идут вниз, хотя, опять же, в Китае всегда наблюдается своего рода пузырь. Рынки крайне волатильны.

Так что если сложить все части воедино, ситуация не радужная, но и не жуткая. В целом, я тоже не думаю, что грядет крупный коллапс, хотя отдельные «пожары» не исключены. Но, как я уже заметил, настораживает всеобщий оптимизм: может быть, пессимистом быть не так уж и плохо.

Р. Варданян:

Хорошо, спасибо. Стив, какова Ваша точка зрения?

С. Шварцман:

Будучи одним из последних выступающих по данному вопросу, я чувствую себя, как Элизабет Тейлор в первую брачную ночь после своей седьмой свадьбы. Я знаю, что делать, но как сделать это интересно и по-новому?

Мои мысли схожи с комментарием Алана Гринспена в отношении Греции: если смотреть только на цифры, непонятно, как эта страна вообще выживает, и мы словно откладываем определенные действия на будущее ради увеличения капитала банковской системы, неужели мы сделаем это снова? Рано или поздно этой проблемой придется заняться.

Развитие технологий завораживает, потому что, как только вопросы попадают в эту взаимную петлю обратной связи, становится возможным дестабилизировать систему, которая должна стабильной, просто потому, что все предполагают, что будут дестабилизированы. И этому сложно помешать. Вчера — или когда это было? Позавчера — фондовые рынки по всему миру закрылись снижением на 1,5%–2%, потому что одно из рейтинговых агентств сообщило, что рейтинг французских банков может быть снижен из-за их зависимости от ситуации в Греции. Но все ведь и так знали об этой их зависимости. Всем известно, что происходит в Греции, так откуда же такое волнение? Но таковы рынки, и таков риск.

Создается впечатление, что пожарные бригады знают, что где-то есть небольшие возгорания, и потому они начеку, они готовы. И это означает, что система также, скорее всего, готова пройти эту фазу. Должен сказать, что, несмотря на промежуточные показатели, у меня больше уверенности в Китае. Это очень целеустремленный народ с огромными финансовыми резервами и полной готовностью создавать 10 миллионов рабочих мест в год. Они сделают все, чтобы достичь этой цели.

Так что, думаю, мы найдем выход, но это будет непросто. Радости будет мало: если вы читаете газеты, слушаете новости или следите за тем, что происходит на телеэкранах, вы знаете, что в ближайшие два–три года ожидается множество неприятных моментов.

Р. Варданян:

Но все-таки, скажите мне, как священнику во время бракосочетания: да или нет? Будет ли кризис, Стив?

С. Шварцман:

Небольшой кризис, но мы справимся с ним.

Р. Варданян

Спасибо. Это мне напоминает историю-шутку, как в 90-е годы один из журналистов попросил Бориса Ельцина описать одним словом ситуацию в России. Он сказал: «Good», а журналист попытался продолжить разговор: «Ну, может быть, чуть более подробно, двумя словами», — «Not good». Мне кажется, у нас сейчас очень похожая ситуация.

Профессор Шваб, вы сорок лет моделируете Экономический форум. Вы знаете лучше, чем кто-либо, мнение большинства лидеров мировой политики и бизнеса. На Ваш взгляд, что нас ждет в следующие три года?

К. Шваб:

Сначала я отвечу на Ваш вопрос, и ответ будет ни «да», ни «нет»: все зависит от руководства. Если слушать всех моих коллег-участников дискуссии, становится очевидным, что мир движется все быстрее и быстрее. У нас есть технологии, с которыми мы не всегда можем справиться.

Хочу сказать, что ситуация в мире стала очень сложной. Ежегодно несколько экономических форумов публикуют отчеты о глобальных рисках. Глобальными считаются такие риски, от которых могут пострадать все, в случае если мировое сообщество не будет действовать сообща.

Это похоже на жонглирование 37-ю шарами. Мой вопрос состоит в следующем: как долго политическая система сможет справляться с этой ситуацией?

Мы переоценили свои силы. Выражаясь языком термодинамики, мы приближаемся к системному краху. Вероятно, следующая встреча «Большой двадцатки» будет очень важным моментом, когда нам придется показать, сохранили ли мы волевой настрой и чувство сопричастности для более активного решения вопросов.

Позвольте высказать последнее замечание по этому вопросу. Я смотрю и вижу кризис в Европе. И наибольшее беспокойство (и об этом уже говорилось), вызывает не масштаб кризиса, а то, как идет борьба с этим кризисом. Отсутствие четкого руководства, что само по себе приводит к потере доверия людей, неожиданно ведет к ситуации, в которой люди больше поглощены местными и национальными вопросами, нежели глобальными решениями. Это, в свою очередь, усложняет задачу политиков противодействовать глобальным рискам.

Р. Варданян:

Спасибо. Мария, Вы интервьюировали огромное количество бизнесменов, политиков. Сегодня Вы в непривычной для Вас роли — не модератора, а одного из участников панельной сессии. На Ваш взгляд, чье мнение было наиболее аргументированным? Как человек, который по своему роду деятельности общается с большим количеством людей, что Вы думаете по этому поводу?

М. Бартиромо:

Спасибо большое. На данный момент ситуация мне кажется очень хрупкой. Если вы спросите: «Ожидается ли кризис в ближайшие три года?» — очевидно, что очень сложно давать такие прогнозы. Если вы прижмете меня к стенке и зададите такой вопрос, я, возможно, отвечу, что чутье говорит мне: «Нет. Не в такой степени, в какой мы наблюдали его в 2008 году» Но и после таких слов остается вопрос: будет ли у нас очередной кризис? Безусловно. У нас будет очередной коллапс, потому что свободные рынки беспорядочны. Рано или поздно, да, мы станем свидетелями очередного сбоя.

Однако больше вопросов вызывает, мне кажется, то, с чем мы столкнулись. Если мыслить более широко, мне кажется, что во всем мире мы столкнулись с рядом очень сходных проблем: это замедленный рост, как на Западе, где замедление темпов роста обусловлено уровнем долга, так и в Бразилии и Китае, где инфляция и ревальвация валют активно замедляют экономику.

На данный момент мы находимся в ситуации, когда наблюдается снижение темпов роста мировой экономики. Думаю, одним из важнейших проблем, с которыми мы столкнулись, является регулятивная среда. По крайней мере, мы наблюдаем попытку создать универсальный стандарт для всего мира, что, конечно, сделать очень сложно ввиду различий между экономиками и менталитетами.

Мне кажется, надо быть очень осторожными и не переусердствовать в плане чрезмерного бюрократического правительственного надзора. Мысленно оглядываясь на 2008 год, я вспоминаю, что за AIG наблюдало 400 агентств, и все 400 проглядели долг в левверидже. Это напоминание о том, что большее государственное вмешательство не всегда означает более успешное руководство для регулятивной среды.

Надо быть очень аккуратными и не допустить принятие норм настолько строгих, чтобы они могли задушить кредитную деятельность и возможности для роста.

Мне кажется, что подъем стран БРИК — это главное событие сегодняшнего дня, равно как и растущий спрос из Китая, хотя речь здесь и идет об относительно замедляющихся темпах экономики. Так что я считаю, что сегодня, как никогда раньше, инвесторы по всему миру столкнулись с действительно важными и разнообразными вопросами. Им приходится иметь дело с замедляющейся экономикой, но при этом они повсюду ищут возможности для роста и инноваций. Мне кажется, что такие возможности лежат в сферах добычи полезных ископаемых, в технологии и здравоохранении. И мне кажется, что эти перемены на самом деле обусловлены демографической ситуацией в мире.

Р. Варданян:

Спасибо, хотелось бы поблагодарить всех участников панели и попросить сейчас аудиторию проголосовать по вопросу, который я хотел бы задать всем участникам нашей сегодняшней сессии. Рядом с вами находятся аппараты для голосования. Сейчас на экране появится вопрос о том, сколько стран, по Вашему мнению, объявят дефолт в ближайшие несколько лет. Я думаю, что это тоже станет определенным ответом на вопрос, который мы начали сегодня обсуждать: как долго нам еще жить в неопределенности. На экране появляются три варианта ответа на вопрос, сколько стран будут в дефолте: 1) ноль; 2) от одной до трех; 3) четыре и более.

Спасибо. Я должен сказать, что ожидания глав крупнейших корпораций и инвесторов намного более пессимистичные. Если речь идет не о глобальном финансовом кризисе, то, как минимум, о том, что достаточно

большое количество стран будут вынуждены объявить дефолт, и это может произойти даже среди развитых стран. Спасибо.

Я бы хотел перейти к более частным вопросам к каждому из Вас. Начну с Дункана Найдерауера, возглавляющего крупнейшую биржу. Недавно было объявлено о возможности вашего слияния с биржей Deutsche Börse. Возникает вопрос о том, куда мы идем. Глобализация, технологии, объединение — все это приводит к тому, что формируется большое регулируемое пространство с единой инфраструктурой. Какова конечная цель — единая мировая биржа, электронные торги, где брокер больше не нужен, где акционеры зарабатывают большие прибыли, и где биржа является публичной компанией, приносящей доход? Или все-таки биржа существует для того, чтобы обеспечивать надежную инфраструктуру для работы участников? Каким видится будущее биржевой торговли человеку, который пытается создать самую большую биржу в мире?

Д. Найдерауер:

Спасибо, Рубен.

Для начала мне бы хотелось дать базовую информацию о нашей отрасли, потому что Рубен прав: существует определенное напряжение — надеюсь, здоровое, — связанное с тем, что в некоторых странах биржи прошли процесс акционирования и стали коммерческими предприятиями. В других же странах подобное акционирование и переход еще не произошли. Если подумать, то биржи по всему миру начали трансформироваться только в последнее десятилетие. Теперь, поскольку наша отрасль, как и многие другие, все больше становится отраслью прикладных технологий, она имеет потенциал для укрупнения и, следовательно, консолидации. Ведь даже если бы вы, как и было заявлено в видеоролике, продолжили бы регулировать биржи и соответствующую инфраструктуру на местном уровне...

совершенно очевидно, стратегической целью является создание общей инфраструктуры, распространяющейся на широкий ряд регионов и товаров. В нашем случае технология позволила увеличить масштаб производства и географического присутствия так, как этого никто не мог предвидеть еще пару лет назад. Мы не только смогли трансформировать технологии нашей компании, но и саму её стратегию.

Опять же, если вернуться всего на пять–десять лет назад, мы увидим, что в фокусе биржевого бизнеса стояла рыночная торговля. Компании регистрировались на бирже, вы публиковали цены на бирже и продавали данные, генерируемые на основе этих цен — вот и вся ваша бизнес-модель. С нашей точки зрения, благодаря технологиям, мы смогли пережить смену ценностей, как и другие отрасли, и теперь можем предоставлять новые услуги и осваивать новую продукцию с большей легкостью. А дальше, вне зависимости от факта консолидации, вы оказываетесь в более выгодном положении — положении поставщика услуг для своих клиентов, что очень ценно, особенно в посткризисном мире.

Какие новые услуги мы предоставляем? Это услуги по управлению рисками. Мы позволили нашим крупнейшим клиентам возложить на нас ответственность за часть своей инфраструктуры.

Теперь отвечу на вопрос Рубена, который с легкостью можно развить таким образом: «Можем ли мы предоставлять эти технологии и услуги другим биржам в развивающихся странах?» Лично мне кажется, что дальнейшая консолидация нашей отрасли неизбежна. Успеха может добиться только умелый игрок.

Но если вернуться к моей позиции в отношении этого видеоролика, мне кажется — да, мы работаем глобально, особенно в вопросах посткризисного регулирования. Именно в такие моменты снова пробуждаются национальные интересы, и многие страны начинают разумно защищать собственные правила и нормы. Несмотря на то, что портфель компаний, с

которыми мы сотрудничаем, имеет глобальный характер, во многих случаях мы действуем регионально на национальном уровне. Охватит ли консолидация Азию, Восточную Европу и так далее, пока предсказывать рано, но, мне кажется, что следующим возможным шагом нашего взаимодействия может стать масштабирование технологий, о котором я уже говорил и которое позволит нам стать для них технологическим партнером и поставщиком инфраструктуры.

Р. Варданян:

Спасибо.

Я хотел бы задать вопрос Роберту Келли, возглавляющему крупнейший американский банк. На нашем Форуме в феврале один глава крупнейших хедж-фондов сказал, что мы много критикуем Европу, еврозону, говорим о том, что есть проблемы с Грецией. Однако в еврозоне хотя бы есть Германия, которая на своих плечах тащит всю Европу, и та успешно развивается. А у США такой Германии нет, и поэтому там проблема намного серьезней. Большинство штатов имеет серьезный дефицит бюджета, Калифорния — банкрот, а мы все время пытаемся в последнее время обсуждать европейские проблемы. На Ваш взгляд, насколько ситуация в Америке реально внушает опасения? Что ждет американскую экономику в ближайшее время?

Р. Келли:

Что ж, это хороший вопрос.

Я бы сказал, что в каждом крупном регионе есть свои собственные сложности. Разумеется, для Европы это проблемы Греции и других стран, оказавшихся в трудной ситуации.

У США проблема уникальная. Во-первых, это их долг и дефицит бюджета, и, по правде говоря, в решении этих вопросов США отстают от ряда европейских стран. Надеюсь, мы запустим решение об установке «потолка» для долга федерального правительства, а также дефицита бюджета, уже в этом году. Но я боюсь, что реальные, серьезные шаги не будут предприняты до выборов в 2013 году.

Сейчас я более спокоен в отношении штатов и муниципалитетов, чем шесть месяцев назад, поскольку муниципальные облигации показали существенный рост за последние полгода. Налоги на уровне штатов и муниципалитетов несколько выросли, и все чаще можно заметить, что штаты и муниципалитеты начали обращаться к проблеме сокращения расходов. Меня очень волновал этот вопрос в ноябре; сейчас уже не настолько.

Другой вопрос, который уникален для США, — это жилье. Цены на недвижимость ниже пиковых на 34–35%. Ситуация, сложившаяся вокруг агентств Fannie Mae и Freddie Mac, уникальна и требует решения, а рынок жилья должен в конечном итоге вернуться в частные руки.

Надеюсь, мы не увидим повторного двукратного падения цен на жилье в США, однако такое ощущение уже начинает возникать. Цены на жилье так сильно упали, и количество сделок, не осуществленных из-за процедур банкротства, возросло настолько, что создается впечатление, что цены на жилье могут понизиться еще на 5–10%, прежде чем достигнут дна.

Помню, еще пять лет назад молодые люди жаловались, что не могут купить свой первый дом — они не могли себе этого позволить. Больше эта проблема не актуальна. Сейчас важен другой вопрос: «Достаточно ли вы уверены в стабильности цен на жильё? Уверены ли вы в том, что сможете получить доступ к кредитным средствам?»

Разумеется, банковская система сейчас имеет более здоровые показатели, нежели два года назад. Будем надеяться, что большинство проблем, связанных с жильем, разрешатся в ближайшие полгода-год.

В остальном наши проблемы похожи на европейские. А именно: мы все до определенной степени страдаем от роста цен на сырьевые товары, и все больше американцев тратят все больший процент своего чистого дохода на топливо, и все меньший — на другие товары потребления. Хорошие новости: доля сбережений в США, которая пять лет назад имела отрицательное значение, наконец, начала расти.

Обратной стороной вопроса является то, что, наравне с Европой, мы наблюдаем упорно высокий уровень безработицы, и нам необходимо вернуть людям рабочие места. Нам снова нужно видеть экономический рост в США и в Европе, и лучшим решением для этого будет обращение к вопросу о том, как создать рабочие места в ближайшие пять–десять лет. Давайте не будем концентрировать внимание на незначительных побочных явлениях, а сконцентрируемся на главном и вернем людям рабочие места.

Р. Варданян:

Спасибо. Ричард, хотел спросить Вас о роли рейтинговых агентств.

Все много и по-разному критикуют рейтинговые агентства. С одной стороны все говорят: ну как же так, у Америки такие проблемы, а американский рейтинг не снижается или был снижен намного позже, чем все давно этого ждали. Говорят и о ситуации с Грецией. С другой стороны, когда одно из рейтинговых агентств объявило о том, что снижается рейтинг французских банков, французское Правительство тут же выступило с заявлением, что это повлияет на всю систему и очень опасно повлияет на весь бизнес. Где тот баланс, который должно поддерживать рейтинговое агентство, чтобы действительно соответствовать тому, что происходит в реальном финансовом секторе в реальном времени, а не с опозданием или с

опережением управлять этим процессом и влиять на эти процессы? На Ваш взгляд, что нужно делать и как вы решаете проблему?

Р. Хантер:

Да, это частое явление, замкнутость системы. Мы действуем или слишком рано, или слишком поздно. Мы либо вызываем проблему, либо осознаем её уже после того, как она произошла. Это общераспространенная проблема, и нужно признать, что мы сейчас сидели и слушали выступающих, которые своего рода перестраховывались, когда рассуждали о вероятности глобального кризиса в ближайшие пару лет. Мы и наши конкуренты должны бы присваивать букву или символ каждой стороне, вовлеченной в эту дискуссию, — от производителей этого микрофона до страны, в которой мы заседаем — определяя вероятность того, будет ли кризис и дефолт.

Мы пытаемся угадать будущее. И мы многое сделали, чтобы улучшить способ угадывания будущего. Но вы должны либо достичь совершенства в этом искусстве, либо признать необходимость уменьшения его последствий. Я был действительно шокирован комментарием Стефана. Я не знал, что весь рынок понизился на 1%. Это поразительно, если учесть, что речь идет об относительно предсказуемом комментарии, касающемся ряда банков в одной стране, в действительности не угрожающего ничьей платежеспособности.

Именно в этом месте я привык говорить: «Избавьте нас от обязанностей регулирования. Вы же не будете заставлять людей читать только три газеты. Так почему вы хотите заставить их слушать мнения только трех рейтинговых агентств?»

Мне кажется, то, что мы наблюдаем сейчас — давайте взглянем на ситуацию с точки зрения технологий — говорит о том, что вопрос вышел далеко за пределы цен на облигации. Объем комментариев в блогосфере и объем информации, которую инвесторам и простым людям приходится

воспринимать каждый день, действительно вынуждает людей, на самом деле, совершенно произвольно, сильно ограничивать количество каналов информации.

И с этим мы мало что можем поделать. Мы вовлечены в серьезную конкурентную борьбу. Мы поддерживаем конкуренцию, и конкуренция только от этого выиграет, если в долгосрочной перспективе окажется, что мы не так уж во многом ошиблись.

Р. Варданян:

Спасибо. Стефану Шварцману я хотел бы задать вопрос по поводу private equity. Кто вообще виноват? Попытка найти виноватых — любимое занятие не только в России; мы поняли, что и в мире есть такое желание — найти, кто виноват. Очень часто обвиняются спекулянты, банкиры, фонды прямых инвестиций — это такие категории, представителей которых журналисты очень любят обвинять во всех смертных грехах, как справедливо, так и несправедливо. Вот недавно Глава Федерального Банка Англии заявил, что он удивлен, что уровень недовольства только сейчас достигает того уровня, который должен был быть, исходя из того кризиса, который прошел в мире. На Ваш взгляд, это недовольство финансовыми институтами, участвующими в процессе распределения капитала, будет дальше нарастать, или мы все-таки будем наблюдать постепенное ослабление этого фона нелюбви и нежелания понимать важность институтов, которые работают в нашей индустрии?

С. Шварцман:

Рубен, это поднимает массу вопросов.

Во-первых, более простой вопрос касается частного акционерного капитала, про который Дэвид Бондерман может рассказать не хуже меня, а то и

лучше, — по каким-то причинам наша отрасль привлекает определенный ажиотаж.

Все мы упорно пытаемся понять, почему. Наша индустрия, по большому счету, состоит в привлечении средств пенсионных фондов, страховых компаний и других типов фидуциариев и вложении их в покупку компаний и повышение их прибыльности.

Чем быстрее их рост на момент продажи, тем больше прибыли получают наши инвесторы. В отдельных случаях мы финансируем рост при помощи заемных средств, но не всегда.

По существу, это модель, которая ориентирована на высокие прибыли и рост числа рабочих мест. Этот вопрос был исследован Всемирным экономическим форумом, и было установлено, что на протяжении пятилетнего цикла рост числа рабочих мест в компаниях прямых инвестиций оказывается не ниже, а то и выше, чем в обычных публичных компаниях.

Другим фактом, который подвел журналистов, стало то, что компании прямых инвестиций должны были продемонстрировать нестабильность во время кризиса и внести значительный вклад в дестабилизацию, что оказалось в корне не так. Статистические данные говорят о том, что индустрия прямых инвестиций превзошла по результатам публичные компании, однако статей об этом по каким-то причинам вы нигде не найдете. Видимо, люди не любят признавать, что были катастрофически неправы.

Однако мне кажется, что есть один вопрос, привлекающий внимание к неизвестному: как это все происходит? На самом деле, определенные вопросы прозрачности были более или менее разрешены. Мы представлены, в том числе, и публичными компаниями, поэтому мало что из нашей информации скрыто.

Так что здесь, наверное, играет определенную роль фактор зависти: ведь люди, которые этим занимаются и все делают правильно, зарабатывают кучу денег, что связано с более широким вопросом, который Вы поднимали — относительно общей враждебности к финансовому сообществу, наблюдаемой в одних странах в большей степени, в других — в меньшей.

Эта враждебность частично обусловлена действиями компаний — не таких, как наша, а таких, как те, что оказались в центре финансового коллапса.

Выпуская ценные бумаги, вся финансовая система объявляла о рейтинге AAA, в то время как ценные бумаги таким рейтингом не обладали. Вероятно, их рейтинг был CCC. Эти ценные бумаги распространились по всему миру, многие стали их жертвами. Люди, потерявшие работу, и те, чья жизнь изменилась в худшую сторону, испытывают ярость. Они в ярости, и им нужно на кого-то ее направить.

Удивительно, что они никогда не злятся на политиков. Мне непонятно, почему. Они могли что-то сделать. Ярость должна была быть на кого-то излита, и, очевидно, что этим кем-то стало финансовое сообщество.

Люди ждут реакции политической и регулятивной системы, однако, если она будет чрезмерной, это принесет вред и системе, и тем же самым пострадавшим людям.

В отдельных частях света этот вопрос остался позади (в основном, в Азии); в других — он рассасывается, как, например, в США. В некоторых странах, эта ярость еще жива — в частности, в Великобритании, что обусловлено размером финансовых институтов по отношению к ее экономике.

Со временем во имя перезагрузки мировой экономики эта ярость должна утихнуть.

Р. Варданян:

Это давняя история. Майкл Милкен сказал, что некоторые пострадали намного больше, чем те, кто потерял деньги на мусорных облигациях, но при этом никто не понес такого наказания, как те, кто выпускал мусорные облигации. Очень хорошая дискуссия была об этом на конференции у Майкла в Лос-Анджелесе.

Я хотел бы обратиться к Министру финансов Испании сеньору Сальгадо. Один из американских политиков сказал, что Рождество — это время, когда дети просят Санта Клауса подарить им то, что хочется получить от родителей, а дефицит бюджета — это когда взрослые люди хотят чего-то, за что придется платить еще их детям. Скажите, пожалуйста, как с этим бороться, как сделать так, чтобы желания взрослых не приводили к тому, чтобы за это расплачивались их дети. Как правительству найти баланс между тем, что на сегодняшний день существуют очень серьезные проблемы: социальная нестабильность, беспокойство о происходящем, огромный уровень безработицы — но при этом люди очень легко относят свои проблемы на будущее, оставляя их своему потомству. Каким Вы видите решение проблемы, как министр финансов и как бывший министр социальной политики Испании? Где найти баланс?

Е. Сальгадо:

Спасибо. Для начала необходимо убедить людей, что они ничего дурного не сделали. Это не их вина. Просто наш рост не был построен на принципах устойчивого развития. У нас сохранились серьезные диспропорции, и нам надо их сокращать. Необходимо сокращать их ради роста, ради будущего, ради государства и всеобщего благоденствия, но убедить в этом людей очень непросто.

И, конечно, это именно то, что я имею в виду, когда говорю об устойчивости, необходимой нам в будущем, потому что как граждане мы не можем

допустить повторения того, что произошло. Мы начали говорить о регулировании, координации, взаимовыручке, совместной ответственности, но, на самом деле, сделано в этом направлении еще очень мало.

Разумеется, я могу попросить своих граждан пойти на некоторые жертвы. Им, вероятно, придется пойти на некоторые жертвы, в основном, касающиеся солидарности и поведения, но, разумеется, у них есть полное право требовать, чтобы это не повторилось. И я думаю, что, если нам удастся их убедить с помощью всех инструментов и всех усилий по координации, направленных на то, чтобы это больше не повторилось, — тогда мы сможем заручиться абсолютной поддержкой среди населения. Без поддержки населения вы ничего не сделаете.

Р. Варданян:

Спасибо. Ларс, Вы являетесь CEO IFC — структуры, акционерами которой являются 183 страны. Ваша задача — помочь развитию стран, но при этом вы еще зарабатываете деньги, как коммерческий институт. Сейчас звучит много критики по поводу международных организаций и их роли в том, что происходит в мире. На Ваш взгляд, как должны измениться роль и место международных организаций в сегодняшних новых условиях? Есть ли какие-то новые вызовы, новые мандаты, которые должны быть получены вами? Вот EBRD уже получил мандат не только на европейские страны, восточноевропейские страны и страны СНГ, но и, например, на Ближний Восток и Северную Африку. Насколько, Вам кажется, должен быть изменен мандат у вас и в какую сторону?

Л.Х. Танелл:

Думаю, нашего мандата как частной компании в рамках Всемирного банка должно быть достаточно. У нас есть необходимый мандат. Безусловно, идут споры по поводу того, кто должен контролировать наш Совет директоров:

ведь мы зависим от Всемирного банка и МВФ. И эти споры, думаю, очень здоровые и разумные.

Но если вы посмотрите на то, что происходит сейчас, вы увидите огромную потребность в развитии. В видеоролике это не было представлено в качестве риска, но миллиарды людей находятся за чертой бедности. Два с половиной миллиарда человек живут без воды и санитарных условий. Каждые 15 секунд, пока мы здесь сидим, один ребенок умирает из-за отсутствия воды и санитарных условий. Вот где есть эта потребность. И это означает, что мы сместили фокус — мне кажется, что это происходит во всех институтах — в сторону бедных.

Мы говорим о росте развивающихся рынков, но если разобраться, что это за страны, то это БРИК. Это Турция. Это Мексика. И это не самые бедные страны, хотя Африка тоже сейчас начинает развиваться. И вот что я думаю. В этих странах мы наблюдаем значительное неравенство среди населения. Мне кажется, то, что мы наблюдаем сейчас на Ближнем Востоке, является результатом именно неравенства. Молодые люди — мы говорим о демографии — сидят без работы. Мне кажется, это главный риск, поскольку сейчас все видят, что происходит, благодаря СМИ, благодаря социальным медиа. У них есть доступ. И их ожидания растут. Они говорят: «Почему я не участвую в этом?»

Мне кажется, вот в чем состоит роль таких организаций, как наша. Мы можем работать только с частным сектором, но двигаться в этом направлении. Это реальность, и поэтому нам позволено расти более быстрыми темпами, чем раньше.

Р. Варданян:

Спасибо, господин Аккерманн. Есть мнение, что дискуссия о Греции — это дискуссия не о спасении страны, а о французских и немецких банках, что в

очередной раз налогоплательщики Германии должны платить за проблемы других стран, входящих в Европейскую зону. Насколько эта модель устойчива? Насколько то, что происходит с долгами Греции, ведет к разрушению единой еврозоны, как предсказывает Рубини? Или это все-таки вопрос, который будет решен на основе согласия не только между правительствами, но и финансовыми институтами? Насколько этот фактор влияет на сегодняшние решения и, в том числе, на настоящую дискуссию в еврозоне?

Й. Аккерманн:

Спасибо. Позвольте сначала сказать три очень важные вещи. Это не европейский кризис; это долговой кризис на периферии, и у каждой из стран своя история. Во-вторых, совсем необязательно, что это вопрос банковского сектора, потому что из 350 миллиардов лишь часть приходится на банковскую систему, причем в значительной мере на банковскую систему Греции, на Европейский центральный банк и государственные банки нескольких стран.

В этом смысле для большинства банков, включая и тот, который я представляю, это не является серьезной проблемой. В-третьих, это не вопрос одной Греции, это последствия тех серьезных ошибок, которые мы допустили много лет назад: мы посчитали, что минимальный вклад в европейский ВВП составляет 2,5%. Но это не так, поскольку негативные явления могут перекидываться с одних стран на другие, включая более крупные.

Именно поэтому об этом надо помнить. Мы также столкнулись с проблемой — и Клаус, Вы на нее уже ссылались — необходимости что-то исправить. У нас по-прежнему существует дисбаланс, и мы должны самокритично признать это: почему мы профинансировали и смогли найти более 300 миллиардов заемных средств для Греции по очень

привлекательным ставкам? Почему финансовые рынки не дисциплинируют эти страны? Потому что многие вызовы в плане экономической мощи и структуры экспорта в отношении производительности были хорошо нам знакомы.

Теперь в одновалютной системе нет механизма корректировки цен, как это было в условиях плавающего курса валют, когда Греция, Италия и другие страны концентрировались на национальных ресурсах; это больше невозможно. Единственный выход — в сокращении издержек или увеличении производительности труда.

Теперь ключевым вопросом является следующий: какая требуется политическая поддержка для этих мер, чтобы перейти от сегодняшнего дисбаланса к равновесию в будущем?

По моим глубоким убеждениям, мы должны использовать все имеющиеся варианты. Повышение налогов, укрепление государства, сокращение налоговых дефицитов — этого недостаточно, потому что, сокращая дефицит бюджета, мы также сокращаем экономический рост. Таким образом, мы фактически ослабляем и ухудшаем соотношение долга и ВВП. Именно поэтому нам также нужна экономическая программа помощи Греции в преодолении сложившейся ситуации.

Надо сделать её более привлекательной для инвестиций: возможно, хорошей идеей могло бы стать что-то вроде плана Маршалла, однако привлечение в той или иной степени частного сектора с учетом сложившейся хрупкости ситуации, по моему мнению, очень опасно. У нас нет никакого представления о том, что происходит в плане взаимного влияния экономик; мы не знаем, что это означает в плане убытков — не только банков, но и пенсионных фондов, страховых компаний и частных хозяйств — и не знаем, как ситуация может сказаться на других странах.

И именно поэтому — да, мы должны вливать больше средств. Очень тяжело убедить граждан так действовать, но Германия и некоторые другие сильные

страны в Европе выигрывают от евро. Мы также выигрываем от относительно слабого евро по сравнению с курсом немецкой марки, останься она нашей валютой, потому что экспорт, разумеется, был бы не таким масштабным. Именно поэтому мне кажется, что мы должны взять на себя эту ответственность.

Но чтобы работать ради Европы в целом, необходимо принять на себя лидерство и ответственность. Я являюсь председателем Международной банковской ассоциации и хочу заявить о нашем стремлении найти способ провести определенное действие без создания прецедента (потому что последствия будут очень и очень негативными) и, конечно, без диспропорций на финансовых рынках в качестве вероятного последствия таких действий.

И последнее. Евро — это не просто валюта. Евро — это политическая инициатива, и для Европы очень важны не только защита евро всеми силами, но и защита европейской идентичности, и в этом смысле мы должны, как мне кажется, стремиться поддержать евро, чего бы это ни стоило.

Р. Варданян:

Хотелось бы спросить Дэвида Бондермана о «мыльных пузырях». Вы знаете, я 20 лет работаю в банковском бизнесе, и после каждого кризиса всегда проводится очень хороший анализ: почему кризис произошел, кто был виноват, как это случилось. Я каждый раз удивляюсь, почему никто не говорил раньше о том, что не может быть leverage 40:1 в ипотечном бизнесе, не может быть 5000 инструментов с рейтингом AAA, когда всего 20 компаний имеют такой рейтинг, и многое другое. Очевидно, что были какие-то проблемы, но почему-то никто их не замечает, пока все хорошо, а потом все начинают обсуждать, что надо было это увидеть и исправить. На Ваш

взгляд, где формируются сейчас новые пузыри? Где эти риски? Мы живем в новом информационном обществе, в интернете ведутся разговоры о том, что формируется новый мыльный пузырь, но насколько эти опасения оправданы и откуда нам теперь ждать опасность?

Д. Бондерман:

Есть известная цитата из Марка Твена: «История не повторяется, но иногда рифмуется». Отвечая на первый Ваш вопрос: одна из причин, почему нам так сложно предсказать, будет кризис или его не будет, будет ли он локальным или глобальным, — это потому, что ситуация всегда меняется. Люди действительно учатся на ошибках. Но не так просто учиться на ошибках будущего. Взглянем на ситуацию в мире: участники дискуссии указали нам на ряд явлений, которые могут вызвать пузыри или уже их создали.

Например, Китай, где рынок недвижимости постоянно растет. Я разговаривал, к примеру, с ведущим застройщиком коммерческой недвижимости в Пекине и Шанхае, чья бизнес-модель состоит в строительстве прекрасных офисных зданий, передаче их в совместную собственность путем продаж этаж за этажом.

Председатель правления компании сообщил мне, что за прошедшие полтора года они не продали ни одного этажа конечному потребителю, а только спекулянтам. Как мне кажется, это похоже на пузырь. С другой стороны, у нас есть США, чья валюта остается резервной вне зависимости от того, заслуживает она этого или нет. Правительство с печатным станком и нация без самодисциплины, которая хочет передать свои счета внукам, но жить на наследство уже сегодня — это очень опасные условия, потому что такие должники имеют тенденцию к раздуванию экономики, спасаясь от долгов.

В Европе же люди говорят о росте. На самом деле, как мне кажется, Европа не заботится о росте. Она заботится о том, чтобы работники городского транспорта не выходили на улицы, а французские дальнбойщики не перекрывали автострады, и если для этого придется отказаться от идеи роста — Европа от нее откажется.

Таким образом, мы имеем ряд потенциальных пузырей на плаву по всему миру. Однако очень сложно или даже невозможно предугадать, что станет последней каплей.

Как сказал Дункан в одном из своих комментариев, мы столкнулись с ситуацией, в которой нас постоянно со всех сторон атакует информация. И очень сложно отстраниться и решить, что важно, а что нет. В результате возникают сами кризисы или только их видимость, когда люди начинают размышлять над происходящим.

Это серьезное изменение, но оно касается всего, что происходит вокруг. Люди и так обо всем знают, но заостряют внимание на определенных моментах. Основной риск нашего общества, по моему мнению, состоит в том, что ни у кого больше нет времени думать. У каждого в руках BlackBerry. Удивительно, что, пока мы тут заседаем, участники дискуссии не строчат SMS-ки.

Р. Варданян:

Видимо, сессия очень интересная.

Д. Бондерман:

Но Вы ведь сами знаете — приходишь на совещание, смотришь кругом, а половина аудитории уткнулась в свои BlackBerry.

Раньше такого не было — люди сидели, думали, слушали и так далее. Это создает большие сложности. Людям все сложнее адекватно и своевременно реагировать.

Р. Варданян:

Спасибо, Дэвид. Спасибо.

Алексей Леонидович, вот мы обсудили Америку и Европу, но будет неправильно на нашем Форуме не обсудить, что происходит в нашей стране. Я вспоминаю историю шестилетней давности. Как раз на этом же Форуме на одной панельной сессии выступали друг за другом Анатолий Чубайс и Алексей Миллер. Анатолий Чубайс говорил о необходимости реорганизации РАО «ЕЭС», о необходимости ее продажи по частям, приватизации, о невозможности поднять инвестиции. А Алексей Миллер вышел и сказал: «Только монополизация спасет газовую отрасль, и необходимо сохранять естественную монополию как можно дольше». Оба выступления были довольно аргументированы, но было очевидно, что одновременно реализовать обе модели невозможно, нужно выбирать одну. Однако в России мы все время пытаемся делать две вещи одновременно. Мы боремся с инфляцией, стараемся сделать все, чтобы сократить ставки, повысить инвестиционную привлекательность, но тут же увеличиваем военные и бюджетные расходы, обещаем увеличение социальных выплат. Как можно одновременно делать и то, и другое? Расскажите, что будет дальше. Мы так и будем продолжать, или все-таки есть шанс, что будет выбрана одна модель и мы будем по ней двигаться?

А. Кудрин:

Россия имеет свои риски: мы очень зависим от добычи нефти и газа. В ВВП эта доля составляет около 17%, в федеральном бюджете России около 35–40% — это доходы от нефти и газа. Поэтому мы очень сильно зависим от волатильности мировых цен на нефть. Последние годы ситуация казалась благоприятной. Я помню, лет шесть-семь назад мы с Германом Грефом спорили о том, можем ли мы себе позволить, чтобы сбалансированность

бюджета сохранялась при цене 27 долларов за баррель. Я говорил, что надо снижать эту цифру. Перед кризисом мы раздули расходы, и наш бюджет балансировался при цене на нефть в 90 долларов. В этом году, с учетом всех антикризисных мер и новых социальных расходов, мы балансируем бюджет только при 115 долларах. Да, идет существенное смягчение бюджетной политики. Я противник этого, но нужно решать и политические задачи. Одновременно это свидетельствует о слишком большой мягкости и слабости государства, неготовности жить строго по средствам. Тем не менее, сегодня в выступлении президента Медведева я услышал, что надо жить по средствам, что нельзя увеличивать эту зависимость от нефти, что такая зависимость создает риски для высокой инфляции в ближайшие годы, а нам ставки надо снижать. Однако за последние полгода именно президент принял решение об увеличении военных и связанных с ними расходов на 1,5% ВВП. Это новый вызов для следующего года, поэтому я запишусь к нему на прием, чтобы обсудить эту дилемму. Спасибо.

Р. Варданян:

Спасибо, Алексей Леонидович. После услышанного, аудитории не составит труда проголосовать. В какой валюте мы собираемся хранить наши сбережения после того, что мы слышали про Китай, про Америку, про Россию? Пожалуйста, у вас есть возможность выбрать не только валюту, но и золото и даже «что-то другое». Перед вами вопрос и шесть вариантов ответа — пожалуйста, выберите один из них.

Это уникально, но результат показывает, что нет доверия никому — люди хотят хранить деньги «в чем-то другом». Что ж, это говорит о серьезной проблеме финансовой индустрии. Действительно, люди не верят ни в одну из валют и пытаются найти какое-то другое альтернативное решение. Может быть, действительно кто-нибудь придумает что-то новое, и мы скоро будем

вкладываться в виртуальные активы и надеяться, что они-то уж точно не пропадут. Но это иллюзия.

У нас осталось буквально несколько минут. Я хотел бы спросить двух людей, которые являются настоящими opinion maker'ами. На Ваш взгляд, профессор Шваб, почему уже сорок лет Вы проводите лучшую в мире конференцию, где люди обсуждают ключевые проблемы, дискутируют, и при этом, несмотря на все усилия, не получается найти решений, которые бы потом имплементировались. Очень много классных идей и очень мало решений, которые потом реально исполняются. Неужели нам неизбежно придется жить в модели одной Римской империи или противостояния США — СССР, когда две страны принимали решения, а все остальные более или менее за ним следовали? Возможно ли найти платформу, когда G20 или какая-то другая конфигурация стран будут между собой договариваться и потом исполнять эти общие договоренности? Или должен быть один очень сильный лидер или два лагеря, которые будут заставлять остальных исполнять свои решения? Есть ли у нас шанс двигаться вперед?

К. Шваб:

Итак, мы услышали, что проблемы есть в Европе, в США, в России и так далее. Но давайте напомним себе: всё это глобальные проблемы; мы все в одной лодке. Поэтому мы должны научиться жить друг с другом в одной лодке. Вот настоящий вызов. Кроме того, есть ряд различных рисков — те 37 шаров, о которых я говорил ранее. Как мы можем справиться с такой сложной ситуацией? Вряд ли нам не хватает решений. Нам не хватает концентрации внимания, чтобы принимать стратегические, проактивные решения по этим вопросам.

Поэтому мы вечно боремся с кризисом, вместо того чтобы заниматься необходимыми вопросами стратегически и системно. Позвольте выдвинуть заключительный тезис. Мне кажется, мы живем в период полной

социальной трансформации. Мы говорим о сети Интернет. Позволю себе напомнить, что все предыдущие промышленные революции, включая окультуривание человечества, были обусловлены развитием инструментов — инструментов, повышающих производительность труда. И, разумеется, Интернет является таким инструментом, и не только им. Интернет, в некотором роде, — это наша ДНК.

Как правительства, как предприниматели, как частные лица мы передали часть своих полномочий третьим лицам — достаточно вспомнить WikiLeaks. Мы передали часть самих себя. Это создает совершенно новое измерение. Нам потребуется много времени, чтобы решить все вопросы — прозрачности, частной жизни и так далее.

Мы живем в период фундаментальной перестройки человечества.

Р. Варданян:

Мария! Мы затронули очень много вопросов, но не затронули одну из ключевых тем — тему доверия. Подорвано доверие, никто никому не верит. Информация, с одной стороны, становится доступна всем, а с другой — люди не понимают, как воспринимать эту информацию и принимать решения. Вы журналист, который живет в мире информации. Как в ней разобраться? Здесь прозвучало столько точек зрения, столько мнений — каков Ваш взгляд на то, что Вы услышали? Какие вызовы из озвученных здесь являются ключевыми, и как нам восстановить доверие и вообще понимание людьми того, о чем мы говорим? Вы видите, что люди не готовы никуда инвестировать, люди верят, что в большом количестве стран будет дефолт, и при этом мы все остаемся оптимистами, потому что мы все занимаемся бизнесом. Как нам быть и куда двигаться? Ваш рецепт.

М. Бартиромо:

Как мне кажется, все, что мы услышали в ходе сегодняшних дискуссий, помогает глубже понять ситуацию. Вы правы, в мире много шума, и долг каждого из нас по отдельности и каждой страны в целом — в том, чтобы выделить крупницы ценной информации из этого общего шума.

Мне кажется, это возвращает нас к образованию. Мне кажется, это крайне важный вопрос. Конечно, для Америки это справедливо потому, что образование имеет прямое отношение к ситуации на рынке труда. Мы не создаем рабочие места с той скоростью, с которой хотелось бы, и нам необходимо повышать квалификации людей, обеспечивать людей необходимыми навыками, которые нужны им для процветания.

Но я соглашусь со многими комментариями, услышанными сегодня в ходе дискуссий. Профессор Шваб сделал отличное замечание по поводу лидерства: необходимо лидерство, чтобы привлечь внимание людей к действительно важным вещам. Кроме того, лидерство необходимо для принятия и проведения сложных решений.

Если говорить о США, мы ведем беспрецедентные дискуссии о повышении потолка государственного долга, что предполагает принятие сложных решений и сокращение социальных расходов (таких как программы страхования Medicare, Medicaid и система Social Security), а также увеличение налогов.

Слова министра Сальгадо о доверии и этике мне кажутся очень, очень важными. В конечном итоге, все зависит от доверия. Необходимо доверие к экономикам и мировым рынкам, чтобы люди поняли, что эта система надежна, что глобальной системе можно доверять. Тогда мы не будем совершать набеги на банки, а инвестиции не будут утекать в неизвестном направлении.

И, повторюсь, для этого необходимо лидерство. Лидерство необходимо для принятия сложных решений. Решения сложные, но после мирового кризиса

мы получили свои уроки. Вы можете вернуться к этой теме и спросить: «Кто виноват?» Но мы это уже выяснили: виноваты мы сами.

Мне кажется, мы должны собраться вместе как один народ и признать, что это очень серьезные вопросы. Мы наблюдаем коренные перемены, будь то упадок Запада, своего рода стагнация, при одновременном подъеме Востока или что-то другое. Стефан пояснил, почему банковская система и банки всегда под ударом и почему их всегда во всем обвиняют. В некотором смысле это вопрос компенсации. Люди не могут понять некоторые аспекты компенсации. Правильно это или нет — об этом можно спорить: ведь мы живем в условиях открытого рынка. Но я считаю, что это вопрос индивидуального лидерства; вопрос лидерства на уровне государства: нужно принять определенные стандарты и жить в соответствии с этими стандартами, чтобы люди могли поверить, что рынки действительно ликвидны и заслуживают доверия. В большинстве своем люди, с которыми я сталкиваюсь, пытаются предпринимать правильные шаги.

И мне кажется, что если мы согласимся принять правила, не обязательно одинаковые для всех (это было бы очень сложно в зависимости от того, о какой стране идет речь), но представляющие собой единый стандарт, это было бы большим достижением. Вот что мы надеемся сделать, чтобы люди поверили в жизнеспособность рынков, и это требует принятия сложных решений. Вот где мы находимся сейчас. Это наша сегодняшняя действительность.

Р. Варданян:

Огромное спасибо всем участникам нашей панельной сессии за возможность провести дискуссию, уникальную как с точки зрения участников, так и затронутых вопросов. Были подняты очень серьезные проблемы. Конечно, часа пятнадцати недостаточно для того, чтобы их решить. Большое спасибо аудитории за внимание и интересные мнения.

Хочу поблагодарить команду Сбербанка за подготовленные замечательные ролики и блестящую организацию и лично Ксению Юдаеву. Также хочется выразить благодарность Герману Грефу. Это один из тех лидеров, которые показывают, что невозможное возможно. Я начал работать в инвестиционно-банковском бизнесе в 23 года в «Тройке Диалог». Тогда казалось невозможным создать инвестиционный банк, казалось невозможным построить вообще какую-то успешную компанию, казалось невозможным сделать гражданский самолет для «Сухого», казалось невозможным сделать форум, который бы привлекал лучших представителей со всего мира и обеспечивал интересные дискуссии. Оказывается, все возможно, если есть желание, если есть мечта, если есть высокая планка и есть лидеры, которые готовы действительно делать все, чтобы добиться цели. Я уверен, что все в наших руках. Я уверен, что, несмотря на все сложности, которые действительно окружают нас, и те вызовы, что стоят перед нами, изменения зависят только от нас самих и это не задача правительства, не задача какого-то института, а наша общая задача: вместе попытаться решить эти проблемы и не бояться их решения. Большое вам всем спасибо.